

**Славянская
Мистика**

**Елизавета Дворецкая,
Дарина Стрельченко,
Наталья Русинова и др.**

ШЕПОТ БЕРЕЗ

Москва
Издательство АСТ
▲ АСТРЕЛЬ СПб

Дарина
Стрельченко

**ВОРОБЬИНАЯ
НОЧЬ**

УМЕЛЕЦ ПО ЛОЗЕ

— Семик¹, Семик, Троица, пресвятая мать Купальница, ты на чём приехала?² — запевала Гордана.

— На овсяном зерночке, на оржаном колосе! — подхватывала Лесана.

А умелец по лозе слушал, поглядывал да молчал, только пальцы шевелились, будто птицу невидимую ласкал или на свирели подыгрывал.

— И откуда ты явился такой, ничего-то не знаешь? — сокрушались девки. Поглядывали смешливо, а между делом подсаживались поближе, рассматривали чудных птиц из лозы, что привёз умелец.

— Русалки нынче выходят из воды, ходят по земле. Осторожней будь, Тихомир, к реке не ходи, не то приглянешься мавке, девицей обернётся, закричит, заплачет... Обернуться не успеешь, как очутишься на дне, в доме батюшки русалочьего...

— И в лес не ходи, Тихомирушка, и коня своего туда не води, из озёр лесных не пой...

— А мы тут ни шить, ни полоскать не станем...

¹ Семик — восточнославянский праздник в период Зелёных святок.

² Старинная народная песня, связанная с Семиком (Зелёными святками).

— А парни наши нынче ни пахать, ни копать не будут. Нельзя это нынче, земля живая, тонкая, копнёшь — вдруг и выйдет наружу что-то, что не должно...

Агриппа понизила голос, и остальные притихли. Верёнку мать кликнула: тесто подошло. Жаль было уходить, оставлять Тихомира с девками, да как матери перечить, особенно после прошлого...

О чём ещё говорили, не слышала, а когда вернулась с киселём да яйцами, чернобрового Тихомира уж всюю на кумление зазывали.

Верёнка поставила жбан на окно, упёрла руки в боки:

— Никак ума решились? Парня? Кумиться? Вот уж нет!

— Отчего ж нет? — чуть не впервые подал голос умелец. Глянул на неё из-под кудрей, руки мозолистые, глаза золотистые, что лоза, из которой плёл он дивных птиц, цветы, крохотные лодочки-челночки.

— Оттого, что девки кумятся, венки завивают, — ответила Верёнка, разливая кисель, — а парни вола водят. Нечего им на берег ходить, заложных тревожить.

Снова притихла горница. Ветерок пролетел от окна, колыхнул волосы, словно восточку нёс от не изживших своего века.

— Русалки-то ведь и есть заложные, — вздохнула Ждана, ведя рукой, словно лебедица крылом. Бросила на Тихомира печальный взгляд: — Горемычные...

— Отчего ж они нынче выходят?

— Оттого, что тяжко им. В церкви не отпеты, земля их не принимает, — протяжно сказала Фёкла. — Говорят, нечистому служат... Только в Семик их поминать можно, Семик — их душам отрада. Вот и выходят потешиться.

- Нынче воробьиные ночи, — добавила Снятава. —
Гроза будет...
- С зарницами, с бурями воробьи вылетают, чирикают, — напевно затянула Аглая. — Ночка пёстрая становится, будто сам воробей, а ещё, говорят...
- Хватит уж страх нагонять, — оборвала Верёнца. —
Кумиться идти пора!

* * *

*Берёзонька белая,
Берёзонька кудрявая
На чём приехала?*³

Лёгкий, скользящий шаг. Пальцы летят по ветвям, перебирают невесомо зелень, ленты, косы подруг... Хоровод да заклички, шёпот да смех. А шёпот мешается с шумом листвы, смех плывёт в туман, молкнет там, отводит русалок.

*На ковре, на золоте,
На атласе, на бархате.*

Девки вынимают яйца да мёд, украшают берёзу цветами, спрашивают ласково друг у дружки: будешь ли мне кумой?
А берёзку спрашивают:

У кого же ты гостила?

Молодые ветки оборачиваются венками, звенят медные крестики-тельники, целуются Фёкла с Аграфеной, Ждана со Снятавой через венок, становясь кумами, шепчут друг другу:

³ Песня-величание семицкой берёзки.

Воробьиная ночь

— *Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои,
Вы кумитесь, любитесь, любите меня.
Пойдёте вы во зелен сад — возьмите меня.
Сорвёте вы по цветику — сорвите и мне.
Совьёте вы по венчику — совейте и мне⁴.*

А берёзка отвечает:

— *У отца, у матери,
У роду, у племени,
У красных девушек.*

Кумы садятся под деревом, под широким венком, едят яйца, журавли ходят на берегу, а в тумане поют русалки, тихие, страшные, беспокойные:

— *Хотят берёзоньку срубить
И её в речке утопить.*

Ветки мелькают, расходятся, берёза кружится и на миг показывает девкам Тихомира, глядящего заворожённо меж листьев. Стоит он вдалеке, возле городьбы из валежника, но и с берега ясно: совсем околдован. А ветер приносит блеск его глаз, быстрокрылые воробьи трещат, что мнёт в пальцах умелец ветвь лозы, и превращается эта ветвь в его руках в птицу, в солнце, в лунницу или ключик, в крыло, в папоров цвет и в саму судьбу.

* * *

Ушли девки, успокоилась речка, русалки убрались восво-
яси до ночи. Только Тихомир ходил по деревне сам не свой,
теребил в пальцах лозу, всё посматривал на Верёнку.

⁴ Народная обрядовая песня, связанная с Зелёными святками.

Та подумала уж, поди, глаз положил, да не таков был этот умелец, не позарился ни на одну из девок, а ведь до чего Агафья красна, до чего Ждана добра да щедра, до чего Аглая улыбчива, белокожа...

— Верёнца. — Стук в окно, шёпот, лунный лик в стёкла.

— Ах ты дурень! Кто ж в Семик по ночам в окна стучится к людям добрым?!

— Отведи меня к русалкам.

— Че-его?..

— Отведи меня к русалкам, Верёнца. Повидать их хочу.

— Совсем ополоумел? На что тебе на русалок смотреть?

— Фигурки потом сплести...

— А чего ко мне явился?

— А кроме тебя никто не отведёт. Струсят. — Сверкнули во тьме глаза. — Если согласна, выходи к овину...

Ругая себя — что удумала, ох, что удумала! — Верёнца прокралась к овину. Под ноги стелилась мягкая молодая трава, шептались над головой Стожары и Божья Дорога⁵, а она всё думала: неужто на глаза золотые, на улыбку застенчивую идёт? На то, что не к другой какой девке пришёл, хоть и ластились к нему, а к ней?

Но больно уж батюшка при себе крепко держал; больно уж матушка горевала. Хоть на ночку хотелось вырваться.

— Тут я.

Верёнца аж подпрыгнула. Шёпотом выдавила:

⁵ Стожары и Божья Дорога — названия созвездий: Плеяды и Млечного Пути.

— Чтоб тебя леший взял — так пугать! Самому-то не боязно на реку идти?

— Не-е, — протянул Тихомир, запрокинул голову, считая звёздочки над избой. — Я давно на мавок поглядеть хотел — за тем и пришёл. Сама-то не испугаешься?

Верёнца только головой качнула — коса из стороны в сторону мотнулась. Передразнила:

— «Поглядеть хотел»! Ишь! Отведу тебя к берегу, так и быть, а дальше и шага с тобой не сделаю.

Тихомир согласно кивнул, и Верёнца прищурилась:

— Ну а ты мне что? В ответ?

— Я тебе оберег сплету, — сказал Тихомир. — Ровно живой будет.

Верёнца припомнила горлиц и дивные цветы из лозы, что прятались у Тихомира в корзине; вспомнила, как ахали девки. Купить-то недёшево будет, не у каждой батюшка на такое монеты даст. А подарочки, которыми одарил Тихомир хозяйек да девок, — умелые, да маленькие совсем, простенькие: коробок али колобок. Оберег — другое дело. Если бы уговорить его лунницу сплести...

Верёнца махнула косой. Подобрала выбившиеся волосы под очелье, велела:

— Ишь какой... Ну, не шуми смотри! Мать проснётся — погрознёй русалочьего батюшки будет...

— Как скажешь — так и сделаю. След в след за тобой пойду.

...Быстро зашагали они по уснувшей Окóвине. Молодые берёзки клонили ветки, царапали по голым рукам. Листья путались в волосах, ветер поднимался, бросал в лицо пыль и щепки. Ни в одной избе огня не горело, и всюду у поро-

гов поблёскивали в лунном свете лён и полынь. Как и все, ходили оковинцы в церковь, а от мавок полынь сушили, носили кресты, а детей нет-нет да и старыми именами называли — теми, что ещё предки носили, Перуну поклоняясь. Выбрались за околицу. Ржаное поле темнело вдали, белели берёзовые стволы, гудели клёны. Воробьи притаились перед грозой.

Шли к реке краем поля. Шевелилась рожь, будто бродил в ней кто. Тонкий колосок хлестнул по коленке, Верёнца отскочила, вцепилась Тихомиру в запястье.

— Что ты?

Шепнула:

— Пока жито цветёт, русалки в жите ходят... А воробьи слетятся — нечисть судить станут...

Обняла себя руками, растёрла в пальцах полынный листочек.

— Пошли, что ли, дальше... Ближе уже... Да тихо, смотри...

Вот и рожь кончилась, и облака разошлись — обливала луна светом умельца-чужеземца и девку, что в неверный час неверного человека вела туда, где никому бы в этот час быть не надобно...

Звёзды плыли в мелкой волне, перлами посверкивала роса в жите, блестела на листьях. Туман поднялся густой, гулкий — да унялся тут же. Тихомир отвёл рукой ветку — и вышли к Саженьке.

Тенями промелькивали на том берегу русалки.

Умелец встал, зачарованный, да так и не шевелился, будто не дышал. Будто глазами пил реку и смутные фигурки за тёмным ночным стеклом. Потом принялся водить руками, будто из воздуха, как из лозы, плёл: гнул, гладил.

Воробьиная ночь

— Мир живой... Ты не потревожь его ненароком, — испуганно шепнула Верёнца.

— Да уж не потревожу...

В глазах его отражалась луна, и вспыхивали искры, как будто заложные покойники плескались в самом глубоком море, зажигая негреющие огни.

ЗИМА

Время и малые, и великие скорби лечит, летит паутинкой по осени, по зиме накрывает тревоги снегом. Своим чередом катилось в Оковине колесо года, ткалось полотно жизни. Проводили Русальную неделю, встретили лето, осень выдалась щедрая, ягодная, за нею зима пуховая, а следом и весна с таяньем, с лебедями...

Доходили до деревни вести, мол, умелец давешний из лозы принялся не птах да цветы плести, не корзины да коробка, а берёзы с русалками. И до того они любви прихлились народу, что на каждый торжок возит теперь умелец «мавочек да берёзоньки» — разбирают, как пряники горячие из печи.

Судили, рядили, их ли это умелец или другой какой. Да кто его знает! Есть ли кому до него дело, когда у самих хлопот полон рот: дом, скот, шитьё да прядение, вечерки да колядки...

А Верёнца, слыша это, всякий раз вспоминала, как возвращались они воробьиной ночью в деревню, как шёл Тихомир, будто морок кто на него накинул. Как утром, чуть не до свету, явился к ней, протянул куколку на ладони:

— Вот тебе обещанное.

Верёнца поглядела, и почудилось спросонья, что куколка живая, золотятся волосы облаком, сарафан трепещет, глаза горят. Такая была красота, что в руки взять страшно. И тянуло от куколки тревогой ночи: словно платой была за то, что отвела чужака к реке. Запоздалой платой: сделано уж было дело.

Воробьиная ночь

— Спасибо тебе, умелец, за оберег чудный, да уж больно хорош, дороже стоит, чем мавки ночные... — Сказала, а у самой сердце сжалось. — Продай на торжке.

Тихомир не стал спорить — спрятал куколку, сверкнули глаза, и поминай как звали.

Верёнца весь день промаялась, и не то русалки, не то воробьи в уши нашёптывали: зря, зря... от берегов, девица, не отказываются, береги, девица, не напрасно дарятся...

А по деревне водили хороводы, девки смеялись, свирель Тихомира звенела: то и дело под окнами раздавались говор и песни.

А воробьи да мавки всё шептали в уши: зря, ох зря! Отмахивалась Верёнца, отговаривалась, пряталась за делами, а к вечеру не выдержала, побежала в избу, где умелец на постой встал.

— Здравствуй, Анисья! Не дома ли умелец, что у тебя гостует? Коли дома — позови, перемолвиться надо.

В другое время сказала бы такое и вспыхнула: ишь ты, к парню явилась, чужаку, словом зовёт перемолвиться! Но сейчас не до того было, беспокойно было на сердце, рябь шла, будто дул по реке ветер.

— А нет уж умельца, — развела руками Анисья. — Был да ушёл. Солнце ещё на закат не повернуло, а он уж собрал короба свои да попрощался. Гляди, какую диковинку за постой оставил...

Протянула Верёнце птичку из лозы — ровно живую: перья лёгкие, чуть не прозрачные, подуешь — трепещут, глаз глядит — будто в душу смотрит.

— Славный умелец, — вздохнула Анисья, — да, видать, умение его дурную цену взяло: шепутной он, странный. Перед тем как уйти, знаешь, что учудил?

— Что?..

